

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ НА РУБЕЖЕ XVII—XVIII вв.: ПОСЛЕДНИЙ ВСПЛЕСК СРЕДНЕВЕКОВОГО ВЕЛИЧИЯ

В 1699 г. подписанием Карловицких мирных договоров завершилась трагичная для Османской империи война с европейской Священной лигой. Османы вынуждены были отказаться от значительных территорий, ранее им принадлежавших. Это Восточная Венгрия, Трансильвания, почти вся Словения, Морея, ряд островов архипелага и крепостей Далмации, Правобережная Украина с Подоліей, а с 1700 г. и Азов, отошедший к России.

Завершение войны 1684—1699 гг. знаменовало начало нового периода османской истории. Он характеризовался не только как «период остановки» агрессии в Европе, но и значительными переменами во внутренней жизни страны. Кончился век, конец которого, по выражению турецкого историка И. Ортайлы, окутан «аурой трагедии»¹. Появлялись новые люди и новые надежды.

Договоры 1699—1700 гг. были подписаны великим везиром Амджазаде Хюсейн-пашой, выходцем из известной семьи везиров Кёпрюлю. С этим семейством связана довольно успешная попытка проведения так называемых «традиционных реформ». Этот термин для их определения предложен американским туркологом Ст. Шоу². Суть же их состояла в том, чтобы снова заставить работать ту социальную, управленческую и военную структуру, опираясь на которую османы сумели в XIV—XVI вв. построить свое огромное государство, «единственную подлинно военную державу средневековья»³.

Уже с конца XVI в. империя с трудом справлялась с управлением различными по уровню развития, жизненному и политическому опыту, культуре и религии народами, которые были включены в ее состав. На-

чинается внутренний кризис, который, еще не понимая его сути, явно начали чувствовать современники. Об этом свидетельствовало уже *адалет-наме* (т. е. «рескрипт справедливости»), провозглашенное Мехмедом III (1595—1603) при вступлении на престол. Именно с этого документа в османском обществе официально утвердились настроения ностальгии по былому, «золотому» веку Сулеймана Кануни (1520—1566). Целью же всех последующих правителей объявлялось стремление во что бы то ни стало сохранить старый социальный порядок, обеспечивавший стране благоденствие, процветание и военные успехи⁴. Распространявшиеся в османском обществе в XVII в. многочисленные дидактические трактаты, своего рода челобитные, адресованные султанам или влиятельным лицам их окружения, указывали на различные отступления от принятых ранее правил и законов и призывали восстановить былой порядок. Не случайно после Сулеймана Кануни османские правители не издавали больше новых законоположений (*канун-наме*). Все их распоряжения, вплоть до танзиматских реформ середины XIX в., имели форму *адалет-наме*, т. е. были призваны не вводить что-то новое, а вернуть общество к былой, «справедливой» организации⁵. В этом-то духе и действовали везиры Кёпрюлю.

Первым из них был семидесятилетний Кёпрюлю Мехмед-паша, получивший от султана в 1656 г. неограниченные полномочия. Произошло это в период наибольших внутренних беспорядков и провинциальных усобиц, шедших непрерывной чередой на протяжении всей первой половины XVII в.

Еще в первом десятилетии этого столетия по Анатолии, где проживала основная масса турецкого населения, прокатились восстания, получившие название *джеяли*. Они показали властям, что сипахийское конное ополчение, которое существовало за счет пожалований воинам доходов от земельных владений — *тимаров*, по сути дела перестало существовать⁶. Тимары не покрывали минимальных расходов *сипахи*, военные качества и организация их войска не соответствовали новым условиям ведения войны, административные функции, что были возложены на их владельцев, согласно выдававшимся им султанским *бератам* (жалованным грамотам), не исполнялись из-за постоянных войн и длительного отсутствия воинов в своих владениях.

Попытка властей в 1596 г. наказать *тимариотов* за неисполнение возложенных на них обязанностей и спровоцировала вооруженные вы-

ступления. Восставшие, у которых изымали тимары и тем превращали их в некие деклассированные элементы, боролись за сохранение своего бывшего привилегированного статуса. Среди мятежников были не только тимариоты. В Анатолии тогда еще сохранялись потомки воинов доосманских *бейликов* и участников племенных ополчений первых лет османских завоеваний. Многие из них не сумели получить тимары, дававшиеся за какое-то воинское отличие, но продолжали считать себя воинами (*аскери*) и не желали превращаться в податное сословие (*рейю*). К ним примыкали многочисленные *софты* (учащиеся мусульманских школ-медресе) и насельники дервишских обителей (*текке* и *завие*). Их число превышало потребности духовной элиты в новых кадрах, что создавало для страны особую социальную проблему. На подавление восстаний правительством посылались наемные войска, набиравшиеся провинциальными управителями (*бейлербеями*) из тех же деклассированных элементов, что и сами восставшие (султанская армия была занята войной с Австрией, длившейся с 1593 по 1606 г.). По сути дела, и мятежники и силы, их подавлявшие, вели борьбу за сохранение или приобретение статуса военных, а следовательно, и права на получение служебного пожалования, обеспечивающего их военный статус и существование.

С большим трудом, срочно заключив мир с Австрией, правительство справилось с этими выступлениями. Как явствует из источников, погибло тогда до 100 тыс. человек. Значительное число анатолийских жителей, особенно крестьян, бежало в другие районы империи. В частности, на Балканы переселилось много лиц христианского вероисповедания⁷. Все это в какой-то мере сняло социально-демографическую напряженность в Анатолии, характерную для предшествующего периода, и способствовало переменам в этноконфессиональном и даже хозяйственном отношении (в ряде мест земледелие сменилось скотоводством, требовавшим меньше рабочих рук)⁸.

Тимарная система была восстановлена. Формально она просуществовала еще более 200 лет. И хотя внутри самой этой системы происходили большие перемены (менялись отношения *сипахи* и крестьянства, рядовых тимариотов и их командиров, уменьшалась заинтересованность властей в сохранении прежних аграрных порядков), рядовым воинам она оставляла надежду отличиться, в награду получить тимар и тем официально быть включенным в привилегированную общность *ас-*

кери⁹. В стране продолжало существовать множество людей, ищущих себе воинское применение, что по мнению турецкого историка М. Акдага, составляло важную характерную черту исторического развития Османской империи XVII в.¹⁰ Воины эти носили разные названия — *секбаны*, *сарыджа*, *левенды*, *дели* и т. п. Их постоянная готовность воевать побуждала правительство к продолжению активной завоевательной политики.

Тимариоты и командиры их ополчения считались одновременно воинами и местными администраторами, отвечавшими за порядок среди населения, проживавшего на территории пожалованных им тимаров и областей. В новых условиях правителям областей — бейлербеям и *санджакбеям*, при выполнении своих административно-полицейских функций проще было опираться не на тимариотов, а на отряды воинов, лично ими нанятых и содержавшихся за счет сборов с податного населения. Эти незаконные с точки зрения османского законодательства поборы были столь велики, что кадийские суды были переполнены жалобами населения. Попытки центральных властей призвать к порядку провинциальных управителей нередко приводили к мятежам последних. Ведь им необходимо было не только кормить своих наемников, но и возместить расходы за назначение на пост. Фактически эти представители государственного аппарата, называемые в источниках *эхл-и орф* (досл. «люди традиции»), призванные управлять и обеспечивать защиту населения, стали неким грабительским наростом, вызывающим недовольство и низов и верхов.

Середина XVII в. стала в османской истории временем «бунта пашей», часто угрожавших походами на Стамбул¹¹. Их выступления, порой опасные и объединявшие правителей разных областей, в конечном счете довольно быстро пресекались центральной властью, поскольку они не получали поддержки населения подвластных им территорий. Крестьяне, горожане, даже тимариоты и другие служилые люди, получавшие доходы от земли, ремесла и торговли, были недовольны *эхл-и орф*, их поборами и бунтами. Эти настроения разделяли и многие сановники, члены султанской семьи и прочие лица султанского окружения, поскольку от грабежей страдали и их получаемые от султана «кормления» (*арпалыки*, *башмаклыки* и т. п.). Складывалась оригинальная ситуация, когда против сепаратизма правителей отдельных областей и за сильную государственную власть выступали

те группы населения, которые связаны с доходами рентного характера. Можно говорить о некоей «феодалной раздробленности» наоборот, когда именно феодальные элементы (т. е. связанные с земельно-рентными доходами) выступали за укрепление султанской власти и усиление централизованного управления. Против этого были деятели старой, традиционной административной структуры. В подобной ситуации окружение юного султана Мехмеда IV решилось передать пост великого везира сильной личности, предоставив ей неограниченные полномочия.

Жестокими мерами (высылками, казнями, конфискациями) Кёпрюлю Мехмед-паша (1656—1661) сумел усмирить бунтовавшие тогда войска, состоявшие на султанском жалованье, — янычар и кавалерию *алты бёлюк* (кавалерия «шести полков»). Разжигая противоречия между этими давними соперниками — пехотинцами и кавалеристами, он сумел подчинить себе и тех и других. Великий везир назначил своих сторонников на все высшие должности государства, в том числе и на посты глав *миллетов* (религиозно-этнических общин немусульманского населения империи), расправился с так называемыми *кадивале*, учащимися медресе и частью дервишества, выступавшими с обвинениями против тех обитателей различных *текке*, что погрязли, по их мнению, в грехах и чревоугодии. В своих действиях против них он сумел опереться на поддержку *шейх уль-ислама*. Следовательно, и здесь он воспользовался рознью внутри самих религиозных деятелей. Им были подавлены восстание в Трансильвании и выступления ряда анатолийских бейлербеев, наиболее опасным из которых был мятеж Абаза Хасан-паши. Во всех своих карательных мероприятиях везир действовал очень жестко, не позволяя никому вмешиваться в свои дела. Главный его аргумент, заставлявший даже султана соглашаться с не всегда удобными ему решениями и назначениями, состоял в том, что необходимо иметь спокойный тыл для борьбы с Венецией. Война с республикой Св. Марка шла у Османской империи с 1645 г. и временами ставила ее в очень трудное положение, когда угроза нападения нависала даже над Стамбулом. В 1657 г. Мехмед-паше удалось добиться перелома в войне и снятия блокады Дарданелл, что особенно укрепило авторитет великого везира.

Наследовавший Мехмед-паше его сын Фазыл Ахмед-паша (1661—1676) продолжал твердую линию отца, также не отказывался от карательных мер, но предпочитал действовать более политическими ме-

рами и был более тонким администратором. В отличие от отца, который был, очевидно, неграмотен, он получил хорошее образование, собирался стать улемом и только по настоянию отца пошел по его стопам. Казалось, что эти везиры сумели положить конец тому смутному времени, которое предшествовало их правлению¹².

Султан Мехмед IV явно устранился от каких-либо дел по управлению страной. В историю он вошел с прозвищем Авджи (Охотник) и известен не как государственный деятель, а как любитель развлечений и удовольствий. Его правление было отмечено тем, что при дворе устраивались большие празднества, собирались поэты, музыканты, ученые. Вся эта среда была близка Кёпрюлюзаде Ахмед-паше и во многом им формировалась. Она создавала определенное окружение султана, отвлекавшее его от государственных дел, но в то же время создавала новый настрой и в придворной среде. В стране росло новое чиновничество. Это были уже не старые, взятые по *девширме* рабы — *капыкулу*, оторванные от османского общества, преданные и зависящие лишь от султана, и не бейлербей, «калифы на час», купившие должность, пытающиеся оправдать свои затраты и обогатиться, бунтующие против центра, но не имеющие опоры среди населения подчиненных ему районов. Новые деятели болели за судьбы империи (и за свое место в ней, разумеется), пытались сохранить тот порядок, который давал ей в прошлом силу и возможность быть «великой державой». Они были более профессиональны и образованны. Не случайно именно в это время происходит отделение правительственного аппарата Османской империи от дворца и дворцовых служб. Для него даже строится специальное здание, новая резиденция великого везира, располагавшаяся за пределами дворцового комплекса Топкапы. Именно она стала называться *Баб-и Али* («Высокие Врата»), что на Руси стало передаваться на французский манер выражением «Высокая Porta» (франц. *La Sublime Porte*, буквальный перевод с турецкого). Именно Porta, а не султанский дворец становится олицетворением османского государства. И хотя все мероприятия везиров Кёпрюлю не были, по определению турецкого исследователя И. Ортайлы, «какой-либо модернизацией, а лишь попыткой реабилитации классических институтов», «блистательное владение приемами бюрократического манипулирования» помогло новому чиновничеству справиться с той всеобщей анархией, которая царяла в стране в середине XVII в.¹³

Не ликвидировав сути кризисных явлений, возобладавших тогда в Османской империи, первые два везира из семейства Кёпрюлю сумели успокоить и подчинить страну, навели порядок в финансовой сфере.

Усиленно сохраняемая везирами Кёпрюлю тимарная система переставала, однако, служить охраной для реайи как «казны государства». Если ранее было четкое разделение, кому идут те или иные налоги, то теперь государство явно увеличивало свою долю, многие так называемые «чрезвычайные налоги», т. е. сборы, предназначавшиеся на конкретные нужды той или иной военной кампании, записывались в бюджете страны как постоянные. В то же время вводились все новые и новые поборы для удовлетворения конкретно возникавших проблем государства¹⁴. При этом если раньше налоговая система империи своей четкой регламентацией (характерной для «золотого века» периода Сулеймана Кануни) выполняла для налогоплательщиков определенные защитные функции, не позволяя, например, тимариотам увеличивать свою долю или объявляя незаконными поборы бейлербеев и их наемников, то теперь государство само усиливало нажим, не считаясь с возможностями реайи и доходами других сборщиков, получивших официальные права на сбор квоты налогов. Подавляющая часть крестьян-*райятов* стала переходить в разряд издольщиков, землепользование которых не охранялось государством. Появилось большое число лиц, стремившихся взять на откуп налоговые поступления в казну и строивших свои отношения с налогоплательщиками на частноправовой основе. Если раньше османское государство, предоставляя часть своих доходов с земли в распоряжение тех же сипахи, не порывало своей фискальной, а в чем-то и попечительской связи с крестьянством, теперь это состояние утрачивалось. В стране формировалась новая хозяйственная структура, лишь формально прикрытая прежними взаимоотношениями. Тимарная система внешне распространялась вширь, так как земельные пожалования давались большему числу военных, в том числе офицерам флота и различных технических войск. Иногда же в качестве тимаров, например, для командиров янычарских отрядов, несших охранную службу в провинциях, записывались определенные отчисления от жалованья рядовых янычар¹⁵. Понятно, что такие командиры, официально числившиеся как тимариоты, не обладали правом на определенные налоговые поступления, не выступали в качестве организаторов производства и не были вообще каким-либо образом связаны с

населением тех районов, где находилось янычарское подразделение. Следовательно, восстановление прежней аграрной системы, начавшееся еще со времен подавления восстания «джеяляли» и особенно усилившееся при Кёпрюлю, было во многом формальным и декларативным. Тем не менее везиры Кёпрюлю смогли заставить в последний раз заработать эту систему и сумели всколыхнуть надежды у той массы деклассированного по сути воинства, которая переполняла многие районы империи. Появилась возможность и даже необходимость продолжить завоевательную политику. Последовала череда войн: еще не было закончено завоевание Крита (Кандийская война 1645—1669 гг.), как организуются походы против Австрии (1663—1664), воюют с Польшей (1672—1677), с Россией (1678—1681). На Крите и в Подолии были проведены раздачи новых тимаров. Однако разоренные украинские земли, доставшиеся туркам после войн с Польшей и Россией, мало годились для умножения османского воинства.

Та же Подолия, жители которой, уставшие от казацко-польских усобиц, в 1672 г. встречали османские войска хлебом и мясом¹⁶, доставила империи больше трудностей, чем действительных выгод. Дважды проведенная регистрация земель и введенное здесь тимарное устройство не оправдали ожиданий ни властей, ни новых тимариотов. Земельные пожалования зачастую оставались незанятыми, так как в этой беспокойной и разоренной пограничной области их владельцы не могли получить доходов, предписанных им жалованными грамотами¹⁷. Территориальное разграничение, зафиксированное по договору с Россией в 1681 г., предусматривало, что земли между Днепром и Бугом должны остаться безлюдными и пустынными, где обе стороны обязались никаких селений не заводить. Иными словами, тогда уже османские власти видели, что в Северном Причерноморье они не будут иметь богатых освоенных территорий, пригодных для раздачи в качестве служебных пожалований, а потому лучше пока оставить местные «руины» (термин украинских историков) в том состоянии, в каком они находились¹⁸.

Для раздачи в тимары нужны были не просто земли, но земли культивированные и населенные. Ведь тимар был по сути дела не земельным пожалованием, а получаемым тимариотом правом сбора части государственных налогов с подвластного населения. Отсюда заинтересованность османского государства в новых освоенных сельскохозяйственных пространствах и сохранении местного населения. Войны с Польшей и Рос-

сией этого не давали. Сами эти войны были спровоцированы не столько предполагаемыми выгодами (хотя такие надежды тоже были), сколько поведением казацкой верхушки и, в частности, переходом гетмана Дорошенко под османское покровительство¹⁹. Это породило надежды на легкое и быстрое территориальное расширение имперских пределов, но, как мы уже отметили, не оправдало надежд на возможность увеличения тимарного фонда империи.

Наиболее вождеденным для османской агрессии оставалось австро-венгерское направление. Поход 1663—1664 гг., предпринятый еще тогда, когда Кандийская война не была закончена, не принес успеха, но возбудил новые желания. Как сообщают османские хронисты тех лет, знакомство с австрийскими землями и высокий уровень жизни населения произвели на османскую армию некое «деморализующее» впечатление. Они увидели в этих областях «гяурский рай»²⁰. Вена, которая стала той точкой, где остановились османские завоевания при Сулеймане Кануни, снова была объявлена тем «красным яблоком», которое, по легенде, должно было упасть в руки мусульманских гази и тем обозначить конечную цель османской экспансии. По свидетельству османского хрониста Сияхдара Мехмеда Фындыклылы, один из придворных так характеризовал великому везиру перспективы османского освоения австро-венгерских пространств: «Из земель этих можно создать множество зеаметов, тимаров, вакфов. Вы будете собирать там суммы не меньше, чем идут из Египта. Люди будут ежегодно видеть, как Вы великолепно умножаете казну султана». Поселить же там следует тех «гази», которые отличатся в предстоящем походе²¹.

Совершить поход на Вену выпало на долю третьего везира из семейства Кёпрюлю, зятя и воспитанника Мехмед-паши, Мерзифонлу Кара Мустафе. К этому времени его предшественники уже израсходовали тот потенциал, который был накоплен в результате их карательно-административных мероприятий. Снова начались привычные для предшествующего периода финансовые трудности. Известно, что перед походом армии было выдано жалованье, но на традиционный бакшиш от великого везира перед началом осады Вены (1683) денег не хватило²². Был конфликт везира и армии по поводу будущего дележа добычи, которую рассчитывали захватить в австрийской столице. Кара Мустафа не соглашался на штурм города, боясь, что он будет разграблен его войсками, т. е. произойдет то же, что когда-то случилось с

Константинополем. Как сообщает русский очевидец, находившийся в турецком лагере при осаде Вены, Алексей Васильев, везир хотел, «чтобы которая казна есть в городе, янычаны не пограбили, и не пропала б даром, а донес бы султану»²³. Войска же стремились к личным трофеям. Главное, однако, было в надеждах на новое расширение тимарного землевладения. Тот же Алексей Васильев отмечал, что при армии находились 40 тыс. вольных людей, которые «на убитых янычан и с[и]пах писались»²⁴. Это были те, кто надеялся получить тимар за какие-либо военные отличия.

Поход на Вену, как известно, кончился сокрушительным разгромом османской армии и казнью ее командующего. Из наиболее тяжелых последствий этого события следует указать не только на образование антиосманской коалиции европейских держав Священной лиги и вынужденную 15-летнюю войну на четыре фронта, но и на явное изменение настроения внутри османского общества.

В Анатолии начался новый этап мятежей, еще более разорительных для страны, чем даже восстание джелали 1596—1609 гг. Как и тогда, основную массу недовольных составляли деклассированные элементы, бывшие наемные воины местных пашей, разочаровавшиеся в своих надеждах потомки бывших тимариотов, разорившиеся крестьяне и т. п. Многих из них правительство пыталось отправить на войну со Священной лигой, но эта война не была для них привлекательной. Она не сулила тимарных пожалований и происходила на далеких имперских окраинах, которые после войн Фазыл Ахмед-паши и Кара-Мустафы утратили для неустроенного анатолийского населения какой-либо интерес. Наблюдалось массовое дезертирство, снова появились отряды *левендов*, ищущих своих предводителей. И если раньше их предводителями были зачастую паши (бейлербеи, санджакбеи), связанные с правительственным аппаратом или надеявшиеся в него проникнуть или вернуться, а потому в определенной степени чуждые основной массе восставших, то теперь они вырастали из самой гущи анатолийских мятежников. Не случайно эти восстания в Анатолии получили в официальной историографии название *тюреди ис'яялары*, т. е. мятежи выскочек. В правительственных кругах новые командиры мятежников действительно воспринимались как некие выскочки, грубые турки (*кара тюрк*), мужланы, требовавшие своего места в управленческих структурах и армии²⁵.

Вместе с тем османское общество в это время снизу начинает выдвигать свою новую управленческую знать — *аянов*. Это наиболее богатые и влиятельные представители местного мусульманского населения — откупщики налогов, зажиточные горожане, авторитетные улемы, командиры расквартированных на местах войск *капыкулу*. Они сосредоточили в своих руках значительные денежные богатства, земли и прочую недвижимость, имели определенный публичный авторитет²⁶. К ним примкнули и местные *кадии*; ранее представлявшие собой государственных надсмотрщиков за действиями провинциальных властей и проводников влияния центрального правительства. Теперь же они были поставлены в подчинение бейлербеев, получали арпалыки в тех районах, где они выполняли свои кадийские обязанности. По сути дела, они утратили ранее предписанные сверху контрольные функции, став в лучшем случае религиозными советниками при местных бейлербеях, санджакбеях и т. п. Сами же паши, как уже было сказано, не имели опоры в местном населении и часто бунтовали против центра. Кадии начали искать поддержку у наиболее влиятельных лиц местной мусульманской общины. Они сблизились с аянской прослойкой и вместе пытались найти управу и над назначаемыми в провинции пашами, не справлявшимися с возложенными на них управленческими функциями, и над разбойными группами не подчинявшихся никому *тюреди*. В это же время аяны также начинают нанимать свои отряды солдат²⁷. Тимарная система фактически потеряла для правительства свое значение как средство местного управления и контроля за землепользованием, хотя по-прежнему делались декларации о новых проверках тимаров и новых раздачах. Центральная власть продолжала оставаться для основной массы населения связанной с фискальными распоряжениями, но не справлялась со своими былыми функциями социального регулирования и поддержания порядка. Это грозило катастрофой для государства, основными целями которого на протяжении XV—XVI вв. были централизация управления и регламентация социально-экономических отношений. В правительственных кругах начинали понимать, что им нужна новая социальная опора. Ее искали как в аянах, так и в верхушке *тюреди*.

Из последних наиболее авторитетным в 80-е годы XVII в. был Эген Осман Бёлюкбаши, отряды которого сыграли решающую роль в низложении султана Мехмеда IV. Новый султан, Сулейман II (1687—

1691), официально назначил командира «выскачек» *сераскером* (главнокомандующим) османских войск, а его отряд включил в состав османской армии. Этот эксперимент с самого начала был обречен на неудачу. Эген Осман не имел опыта руководства такими большими вооруженными силами, состоящими из очень разнородных подразделений. Поражение османских войск под Белградом (сентябрь 1688 г.) явилось результатом интриг в армейской среде, направленных против него, и стало сигналом к борьбе за его свержение. Для того чтобы ослабить роль тех отрядов, которые он возглавлял, было объявлено о сборе «всеобщего ополчения» (*нефер-и ам*) в Анатолии. Это мероприятие позволило привлечь в армию многих бунтовщиков и дезертиров и растворить сторонников Эген Осман-паши в массе таких же, как и они, новичков-головорезов. Самого пашу сместили с должности и назначили командиром гарнизона в крепости Каменец, где вдали от верных ему войск предполагалось его убить. Осман-паша не принял назначения, что, однако, не спасло ни его самого, ни его ближайших сподвижников от расправы²⁸.

Разделавшись с ненавистным выскачкой, султанское окружение вновь обратилось к еще одному представителю семейства Кёпрюлю — Мустафе, младшему сыну Мехмед-паши. Его правление (1689—1691) отмечено решительными мерами по упорядочению финансовой структуры государства. Была изменена практика взимания подушной подати с немусульман (*джизьи*), установлены размеры ее сбора с населения разного материального достатка. Общие сборы *джизьи* стали давать 20% всех доходов империи²⁹. Ряд других налогов и повинностей христиан был отменен. Но введен общий налог на табак, до этого совсем запрещенный к употреблению. Были проведены и некоторые мероприятия по поощрению торговли. Христианам разрешили строить церкви. Все свои начинания Мустафа-паша, как и другие представители его семьи, претворял в жизнь очень решительно, он осмелился посягнуть даже на вакуфное имущество, мотивируя свою акцию тем, что средства пойдут на ведение «священной войны». Первоначально были достигнуты заметные успехи в войне на австрийском фронте, освобождены Ниш и Белград. Однако вскоре опять началась полоса неудач. Сам великий везир погиб в сражении у Саланкамена (август 1691 г.)³⁰.

Завершилась война Карловицким миром, на заключение которого, как уже отмечалось, пошел великий везир, также принадлежавший к се-

мье Кёпрюлю. Это Амджазаде Хюсейн-паша. Его прозвище «Амджазаде» означало — сын дяди. Он действительно был сыном брата Мехмед-паши, т. е. дядей для Фазыл Ахмеда и Кара Мустафы. Знаменательно, что именно он подписал столь позорный, но действительно необходимый для империи мир. Хюсейн-паша и Рами Мехмед, тогдашний *реис уль-кюттаб* (руководитель внешнеполитического ведомства), были людьми новой формации. В туркологической исторической литературе принято говорить, что у кормила государства «люди пера» сменили «людей меча», чиновничество взяло верх над военачальниками³¹. Это действительно происходило, но расстановка сил в султанском окружении была намного сложнее.

Огромные людские потери в войнах и восстаниях XVII в. ослабили влияние демографического фактора и способствовали консолидации в рядах правящего класса. Былое соперничество «рабов султанского порога» (*капыкулу*) и *сипахи* исчезает. Капыкулу перестали быть людьми, чуждыми тюрко-мусульманскому населению, связанными лишь с султаном. Перестала использоваться практика *девширме* (набор мальчиков из немусульманских семей, так называемый «налог крови»). И правящая элита, ранее формировавшаяся за счет капыкулу, и те воинские части, что получали жалованье от султана, т. е. янычары и кавалерия «шести полков», начали пополнять свои ряды за счет выходцев из собственной среды. Их верхушка стала получать земельные пожалования — *хассы* и *арпалыки*, которые также считались служебными держаниями, но, в отличие от тимаров воинов, давались на время занятия определенной должности и не передавались по наследству. Соотношение денежного содержания и пожалований для разных должностей было неодинаковым, но само включение капыкулу в сферу *сипахийской* системы сближало их с остальной частью османского господствующего класса³². Рядовые же воины (и янычары и *сипахи*) все теснее и теснее смыкались с торгово-ремесленными кругами городов. При этом сами тимариоты уже не могли соперничать с контингентом других армейских подразделений, превратившись в некое подобие нищих средневековых рыцарей. Тимары с трудом обеспечивали их существование. Раздавались главным образом минимальные *кылыч-тимары*, поступления с которых позволяли их владельцам лишь лично участвовать в конном ополчении. Есть сведения о том, что некоторые бывшие тимары в XVII в. не могли удовлетворить жизненных потребностей их владель-

цев, что заставляло власти засчитывать два тимара за один³³. Тех sipахи, которые служили сами и выводили за свой счет какое-то число вооруженных воинов, почти не осталось. Тимариоты фактически не могли более играть самостоятельную роль в жизни страны. Это был слой общества, вытесняемый с исторической арены. Чтобы добиться какого-либо успеха, выходцу из их среды необходимо было добиться покровительства в придворных кругах или у правителей провинций, т. е. сблизиться с бывшими капыкулу. И такие случаи бывали. Так, уже упоминавшийся великий везир Кара Мустафа, командовавший османскими войсками при осаде Вены в 1683 г., был сыном тимариота из Мерзифона. Его отец погиб в 1639 г. во время похода на Багдад. Мальчик был взят на воспитание в семью Мехмеда Кёпрюлю, рос вместе с его сыновьями, женился на дочери Мехмед-паши. В период везирства его тестя служил при нем *телхисджи* (составителем везирских докладов султану), т. е. прошел определенную чиновничью выучку. После службы в центральном аппарате Порты он стал бейлербеем, управляя вначале *эялетом* (провинцией) Силистры, затем Диярбакыра. При Фазыл Ахмед-паше был командующим османским флотом, затем участвовал во всех его военных мероприятиях, дослужившись до звания третьего везира (в период Чигиринских походов). После смерти Ахмед-паши стал, как уже отмечалось, великим везиром³⁴. Следовательно, это был человек, имевший опыт и в военном деле, и в дворцовой службе. Его нельзя определенно отнести к «людям меча» или «людям пера». Хотя бесспорно, что дворцово-чиновничьи связи помогали ему в продвижении по службе.

Амджазаде Хюсейн-паша и его единомышленник Рами Мехмед, заключив Карловицкий мир, вынуждены были пойти на ряд важных для страны изменений, не выходящих за рамки «традиционных реформ», но направленных на улучшение положения широких народных масс. Как и все потомки старого Мехмед-паши, Хюсейн Кёпрюлю был хорошо образован, принадлежал к суфийскому ордену «мевлеви», что способствовало созданию вокруг него ореола не только удачливого, но и мудрого и справедливого государственного деятеля.

Предпринятые им меры были порождены состоянием страны, ослабшей после почти непрерывных пятидесятилетних войн. Были отменены многие чрезвычайные налоги и прощены налоговые недоимки, накопившиеся за время войны. Временно освобождено от налогов население

пограничных районов, более всех пострадавших от военных действий. Чтобы уменьшить финансовые расходы государства, проведено сокращение той части армии, которая состояла на жалованье. Так, численность корпуса янычар уменьшилась с 70 до 34 тыс., артиллеристов — с 6 тыс. до 1250 человек. В то же время стали строже собираться традиционные налоги, возросло налогообложение горожан, за счет введения новых серебряных денег — *курушей*, продолжились попытки улучшить экономическое состояние империи и восстановить полноценное содержание драгоценных металлов в османских монетах. В целях увеличения податного сословия начался перевод на оседлость некоторых общин кочевников, особенно юрюков и курдов, сокращались ранее предоставленные налоговые льготы для отдельных групп реайи. Была введена практика пожизненных откупов на сбор налогов (система *маликяне*). Все это дало возможность несколько упорядочить финансовые дела империи, подавить вспыхнувшие после войны восстания на границах с Ираном, в Крыму, Египте, Аравии. Большое внимание великий везир уделил армии и флоту. При перерегистрации войск капыкулу были упразднены те отряды, что состояли из записанных в янычарский корпус во время войны крестьян и ремесленников. В тимарном ополчении усилилась прослойка бывших кочевников и лиц, «испомещенных» в Анатолии после утери своих владений в Венгрии. После очередной проверки бератов были изданы строгие постановления, запрещающие местным властям лишать тимариотов их владений без разрешения сверху. Особенно большие перемены произошли в османском флоте. Это касалось как его технического оснащения, так и организации управления. Ускорился переход от вёсельного флота к парусному. Складывалось новое морское командование, менявшее существовавшую иерархию морской службы, был составлен новый морской устав, определены денежное содержание и пожалованья морским офицерам.

Тогда же произошло реформирование канцелярской службы, вакансии в которой стали заполняться более подготовленными молодыми людьми, прошедшими специальное обучение³⁵.

Хюсейн Кёпрюлю и особенно его сподвижник Рами Мехмед-паша, бывший великим везиром с августа по ноябрь 1703 г., известны также тем, что они поощряли строительство мануфактур, которые должны были прежде всего обеспечить армию более современным вооружением и обмундированием³⁶.

Амджазаде Хюсейн-паша покинул везирский пост в сентябре 1702 г. В этом же месяце в Эдирне (Адрианополь), где тогда находился султанский двор, прибыло первое российское посольство, отправленное царем Петром I для постоянного там пребывания, «до указа», как тогда говорили. Посол П. А. Толстой привез царские грамоты на имя Хюсейн-паши, но уже не застал его на везирском посту. Пытаясь разобраться в происходящих при султанском дворе событиях, он очень внимательно изучал обстановку и подробно описал ее в своих донесениях и статейном списке посла. Его наблюдения зафиксированы в документах, хранящихся в Российском Государственном Архиве Древних Актов (РГАДА). Они содержат многие детали и характеристики, позволяющие подробнее понять и оценить тогдашнюю обстановку в Османской империи. Это тем более важно потому, что хотя события 1702—1703 гг. упоминаются во всех общих исторических курсах и исторических сочинениях, но в оценках их у исследователей нет единства³⁷.

Уже через два дня после своего приезда, 31 августа 1702 г. П. А. Толстой запрашивал племянника Иерусалимского патриарха грека Спилиота, который сразу же предложил свои услуги послу: «Чего ради везирь оставил власть свою, своею ли волею, или изволением салтанским, или смятением народным?»³⁸. Ответ был таков: он «изнемог, и лекарства себе иметь не может. Сам просил себе той свободы. А салтан велми о нем опечалился. Сего дни слышал, что везирь, едучи, умре на пути»³⁹. Позднее П. А. Толстой, уточнив полученные сведения, доносил царю: «До приезда моего в Андриянополь везир, прежде бывший, за болезнью своею, везирство оставя, поехал на житие в вотчину свою и печать отдал, а слухи носятся, что на дороге умре»⁴⁰. Итак, из этих сообщений следует, что Хюсейн-паша, как и все предшествовавшие ему везиры Кёпрюлю (кроме Кара Мустафы), находился у власти до конца своей жизни и был достаточно высоко ценен султаном. «Салтан о везире велми печален, что везир везирство свое покинул», — писал П. А. Толстой⁴¹. Сложнее оценить человека, сменившего Хюсейн-пашу на везирском посту.

Уже первые сведения, дошедшие о новом везире до московского посла, были негативными. Спилиот писал: «Везир, который учинен, называется Далтабан Мустафа паша... сказывают, что он глуп и все протчие бояре его не любят... а природою турчанин». Причиной назначения его на высокий пост было, по мнению Спилиота, расположение шейх уль-

ислама Фейзуллах-эфенди, которому за назначение Далтабан заплатил большие деньги — 40 мешков денег по 500 левков каждый⁴², т. е. сумму, равную 20 тыс. голландских левендалдеров. Столь же нелестно аттестовал его и сам посол: «Везирь... особа... неполитичная и больше показывался, что он человек служивой». И еще: «...мало смышлен и в делах политических неискусен... Он был сердца воинского... зачать войну, в которую не есть сторону желал, не размысля недостатком денежным»⁴³. П. А. Толстой умел собирать нужные ему сведения, и его сообщения о Мустаф-паше Далтабане отражают то мнение, которое сложилось об этом человеке среди современников, а затем вошло в историю. Однако и здесь опять все не так однозначно.

Этот везир известен своим прозвищем *Далтабан*, т. е. «дубленая подошва». Так называли хороших ходоков или, по другой версии, бродяг-голодранцев. Это позволяло предполагать, что он происходил из низов османского общества. О действительном происхождении Мустафы Далтабана и ранних годах жизни почти ничего не известно. Родился он в Румелии, предположительно в районе Монастыра. Очевидно, уже в молодом возрасте начал служить при Кара Ибрагим-паше, ставшем позднее, в 1683 г., после венского разгрома, великим везиром. Одно время был при нем *телхисджи*, уже один этот факт позволяет современным историкам усомниться, что Далтабан был столь «дремуч и неграмотен», как принято обычно утверждать⁴⁴.

Покровитель Далтабана Кара Ибрагим недолго занимал везирский пост (до начала 1684 г.), но эта отставка не прервала карьеры его протеже. Следовательно, и сам Мехмед Далтабан завоевал к этому времени определенный авторитет в придворных кругах. Он последовательно занимал ряд важных должностей в дворцовых службах, а затем перешел в войска капыкулу (что было естественно во время войны), где к 1691 г. достиг поста янычарского аги. В годы войны прославился обороной крепости Бабадаг на Дунае. С тех пор умел ладить с крымскими татарами и считал ошибочным уступку полякам по Карловицкому миру крепости Каменец. В дальнейшем, как было принято в османской администрации, отличившийся командир стал губернатором провинции в ранге бейлербея. Известно, что, управляя *эялетом* Анадолю, он раздавал выморочные тимары и зеаметы по своему усмотрению. Такое поведение было характерно для многих должностных лиц того времени, но и среди них он выделялся своим произволом. Однако в то же время Далтабан сумел пода-

вить в своем эялете выступления недовольных и выставить за свой счет то конное ополчение, которое требовал султан для очередной военной кампании (1695—1696). В последующие годы он назначался бейлербеем Диярбекира, Боснии, Ракки, Багдада. Его служба сопровождалась многочисленными жалобами населения и местных должностных лиц на несправедливость и поборы. За это Далтабан не раз осуждался Диваном и даже был приговорен к смертной казни⁴⁵. От подобной участи его спасли высокие покровители и большие деньги. Среди покровителей были Амджазаде Хюсейн-паша и уже упомянутый Фейзуллах-эфенди, рекомендовавший его позднее на пост великого везира. Последний был известен своим корыстолюбием. П. А. Толстой писал, что он «чрез меру сребролюбив», что у него и его сына «насыпаны... кладовые палаты денег»⁴⁶. Поэтому поддержку шейх уль-ислама вполне можно было просто купить, что же касается Хюсейн-паши, то отношение великого везира можно хорошо почувствовать из его письма Далтабану, отправленному им в Багдад. Оно было недавно опубликовано турецким историком А. Оаджаном. Из его содержания явствует, что везир хорошо знал все прегрешения Далтабана, жалобы на него жителей Ракки, прочитанные в султанском Диване. Хюсейн-паша предупреждает, что новое назначение будет более сложным, бейлербею придется столкнуться с арабскими мятежниками. Если он сумеет усмирить этот район, то снимет с себя все прежние обвинения. Везир выражает надежду, что опытность Далтабана поможет ему, и желает успеха⁴⁷. Итак, Амджазаде Хюсейн-паша ценил деловые качества Далтабана. Все же нарекания на грубость, произвол, несоблюдение законов, взятки и грабежи были тогда привычным порядком вещей. На протяжении всего XVII века выступления недовольных против того или иного государственного деятеля сопровождалось обвинениями во взяточничестве, сокрытии от падишаха истинного положения дел в стране или на фронтах военных действий, связях с мятежниками в Анатолии. И все эти обвинения были, как правило, справедливыми⁴⁸. Кёпрюлю не изменили сути методов управления, сложившихся в османской правящей среде, хотя сумели в определенной степени поставить ее под свой контроль. Далтабан же был типичным порождением сложившихся порядков. Его нельзя отнести к той категории «людей меча», которая была характерна для «классической» структуры османского общества, но можно считать личностью, характерной для нового исторического периода. Не случайно П. А. Толстой подчеркивает, что «породою» он

«турчанин». В обществе уже не осталось тех настроений, которые были характерны для времени Кучибей Гёмюрджинского, жаловавшегося на то, что империей управляют эджнеби (чужаки, лица, принадлежащие к категории капыкулу)⁴⁹. Сменивший позднее Далтабана Рами Мехмед-паша был типичным представителем чиновничества⁵⁰, но не социальное происхождение определяло соперничество этих двух сановников. Главное их различие было в принципах, на которых нужно было строить политику страны в новых условиях.

Далтабану как активному участнику войны со Священной лигой трудно было смириться с позорным Карловицким миром и потерей тех территорий, в обороне которых он принимал участие. Он пытался организовать в Диване осуждение Рами Мехмеда и Александра Шкарлата Маврокордато (переводчика Дивана), подписавших вместе с Амджазаде Карловицкие договоры⁵¹. Однако их взял под защиту шейх уль-ислам Фейзуллах-эфенди, поддержавший в свое время заключение этого мира. Особого накала конфликт из-за курса внешней политики Порты достиг в связи с начавшимися ногайско-татарскими волнениями. Эти события хорошо показали отношение к Карловицкому миру и той мирной передышке, которую он дал, в османском обществе.

Крымский хан Селим-Гирей, активно поддержавший подписание Карловицких договоров, в марте 1699 г. по собственному желанию ушел со своего поста, передав власть сыну Девлет-Гирею. После отставки авторитетного правителя в Крыму начались распри внутри дома Гиреев, а также мятежи отдельных мурз и племен. Особое недовольство выказывали ногайские племена северо-западного Причерноморья. Они не хотели признавать мирный договор, запрещавший набеги на северных соседей, а кроме того, пытались добиться для себя нового статуса, освобождавшего их от подчинения Крыму. Поэтому они просили у Порты назначать им собственного хана⁵². Подобные выступления бывали и раньше, но в условиях только что заключенного мира стамбульские власти восприняли их особенно болезненно. Крымский хан и османские управители Кафы и Очакова получили приказ употребить силу для подавления ногайского бунта. Вместе с тем Ногайской орде были обещаны некоторые послабления в налогах, упорядочение их сбора, что могло означать получение этой ордой некоторых элементов нового статуса⁵³. Эти решения соответствовали общему курсу политики Амджазаде Хюсейн-паши, направленному на восстановление нормальной жизни в

прифронтной полосе. Однако они были негативно восприняты крымскими властями. Новый хан, Девлет-Гирей, неоднократно выражал недовольство невниманием султанского окружения к нуждам ханства. Действительно, Карловицкое перемирие, а затем Константинопольский договор 1700 г. с Россией были заключены непосредственно Османской империей. Ранее же, в 1681 г. подобный договор исходил от трех сторон — Крыма, Османской империи и России. Османский хронист Фьндыклылы так передает отношение к этому хана: «Нас не включили в мир. Сколько мы ни просили, нашей просьбе не вняли и выказали к нам полное презрение»⁵⁴. При везирстве Амджа-заде неоднократно донесения хана о якобы имевших место нарушениях со стороны России условий мирного договора не встречали поддержки османских властей. П. А. Толстой от своих «доброхотов» уже в первые дни своего пребывания в Эдирне узнал, что «хан крымской пишет много противностей на Вас к турецкому. Сказывает, что неприятели де делают города, корабли и иных всяких вещей много. Всегда пишет и понуждает их на ссору. Только они его не слушают весма»⁵⁵. Потому-то русский посол в донесениях мог успокоить свое правительство: «О войнах ныне у турок ничего не помышляют ни в какую сторону»⁵⁶.

С утверждением Далтабана на везирском посту положение, однако, стало более тревожным. У этого везира были старые связи с Крымским ханством, которые шли как от совместных действий на фронтах войны со Священной лигой, так и с тех времен, когда Селим-Гирей помог ему стать янычарским агой⁵⁷. В отношениях Далтабана с его единомышленниками — татарами, недовольными миром, много неясного. Бесспорно лишь то, что с их помощью он пытался укрепить свои позиции и избавиться от опеки шейх уль-ислама Фейзуллах-эфенди, приобретшего тогда неограниченную власть. Именно этот муфтий назначал и смещал всех должностных лиц в государстве, имел безграничную власть над султаном, учителем которого ранее был.

Именно Фейзуллах при встрече с прибывшей к султану делегацией от крымского хана отверг призывы разорвать мир с Россией, заявив, что «с москочами на тридцать лет заключен мир; мы никоим образом не станем поступать вопреки миру, да и они тоже твердо стоят на своем слове»⁵⁸. О дальнейших событиях при султанском дворе обычно очень информированный французский дипломат Луи Баркэ писал П. А. Толстому, что их «невозможно понять и познать истину»⁵⁹. Действительно, после татар-

ских упреков в том, что «вы отдали христианам толикие многие места, також де хотите отдать и Крым, но мы ево не отдадим», муфтий возвратил делегацию, имел с ними «многие советы». Тогда же появились слухи, что снова будет возвращен на крымский трон хан Селим-Гирей, а в Крым для урегулирования крымско-ногайских отношений и проблем с Россией будет отправлен сам великий везир. Однако поездка последнего не состоялась⁶⁰. Между тем обострился конфликт муфтия и Далтабана. Великий везир пишет тайное письмо хану, где сообщает, что начинает поход на Польшу, после чего, взяв крепость Каменец (Подольский), пойдет на московитов. Ханским войскам предписывается идти в Буджак, где соединиться с ногайцами и там дожидаться везира с его войсками⁶¹. Эта интрига стала известна реис-уль-кюттабу Рами Мехмеду, сообщившему шейх уль-исламу, что начинающееся волнение татар развивается под руководством великого везира и что эта затея направлена на то, чтобы сместить всех верховных османских правителей, вплоть до султана⁶². Тогда же впервые в османских придворных кругах появились разговоры о смене династии. Как возможные преемники назывались крымские ханы и даже наследники знаменитого везира Соколу⁶³. Татарские волнения становились опасными, шейх уль-ислам срочно подготавливает фетву о смещении и казни Далтабана и докладывает об этом султану⁶⁴. Итак, вначале ногайский бунт, затем татарское недовольство, скопление значительных масс татаро-ногайского воинства в Буджаке, известия о том, что готовится поход на московитов, но в то же время грабеж местного, в том числе и мусульманского населения и угрозы, если поход не состоится, перейти Дунай, как только он замерзнет, и разорить всю Румелию вплоть до самого Стамбула⁶⁵. Мятежи анатолийских бейлербеев и угрозы похода на Стамбул были в XVII в. обычным явлением. Такая угроза с румелийской стороны прозвучала впервые. Были мобилизованы значительные силы. Как сообщает П. А. Толстой, «указы посланы по всей турецкой земле и в Румелии поднять все войска, которым идет салтанское жалованье, то есть булюк сипахя, янычане, и тимариот дворяне, которые с поместья служат, и со всеми их семени (очевидно, наемниками. — С. О.)». Всем им было приказано идти к Дунаю. Предполагалось также выступление 30 камор (ода, подразделение) стамбульских янычар, софийского и никопольского бейлербеев, молдавского и валахского государей. Отдано распоряжение капудан-паше готовить флот для весеннего похода в Крым. Все это делалось, по мнению П. А. Толстого,

«для удержания татар в покорности, понеже грозили наступать на страны оттоманские»⁶⁶.

Султан сместил со своих постов крымского хана Девлет-Гирея и Далтабан Мустафу. Хан перед отставкой пытался оправдаться тем, что действовал согласно инструкции, поступившей к нему от Порты, великий же везир заявлял, что он не подозревал о силе начавшегося татарского движения и что в бунте виноват Девлет-Гирей⁶⁷. Любопытно, что турецкие источники того времени говорят о Далтабане последних дней правления очень уничижительно — «бедный дурень», «болван» и т. п.⁶⁸. Очевидно, его воинственные настроения отражали сожаления активного участника недавней войны, которому трудно было смириться с поражением, но не были реально возможной политикой в тех условиях, в которых оказалась Османская империя к началу XVIII в. Донесения тогдашнего русского посла, внимательно следившего за событиями и внешнеполитическими настроениями в османских правящих кругах, лучшее тому подтверждение. Он писал в Москву, Азов и Киев И. С. Мазепе, отвечавшему за оборону южных рубежей России, предупреждая о начавшемся татарском бунте, спровоцированном «коварными» письмами Далтабана, который был «яр сердцем, но мало смысленен и не рассудителен». Поход же значительных имперских сил на север, вызывавший даже у турецкого населения сомнения, не есть ли это начало новой войны, посол оценил верно, хотя и предостерегал российские власти о возможных провокациях: «весьма безопасно от них быть невозможно до коли татарское дело кончится», и еще: «посылали рати близко границ российских и того опасно, если... не возмогут татар усмирить, чтоб не превратили намерение своего на иную сторону и не всчали внезапно войны», «опасно, чтоб не учинили, конечно, дурна внезапно за неприготовления их»⁶⁹. Воинственные настроения в Османской империи, конечно были, но лишь отдельными всплесками, новый же везир Рами Мехмед паша уверил посла, что «от стороны Порты нарушения мирного договора не будет»⁷⁰.

Действительно, проблемы страны можно было решать лишь в условиях мира, который и поддерживался османскими властями на протяжении всего первого десятилетия XVIII в., хотя, казалось бы, международная обстановка благоприятствовала продолжению завоевательных войн, так как главные европейские противники османов были отвлечены такими крупными общеевропейскими конфликтами, как войны за

Испанское наследство и Северная. В турецкой историографии политика этого десятилетия определяется как политика «нейтралитета» (*tafafsızlık*)⁷¹. Для нашей же темы важно, что у Османской империи появился тогда еще один шанс «традиционными реформами» подправить сложившуюся в стране структуру управления и поискать свои самобытные пути подхода к тому процессу модернизации, которым был охвачен весь тогдашний мир.

Новый великий везир Рами Мехмед являлся соратником и продолжателем того курса, которого придерживался Кёпрюлю Хюсейн паша. П. А. Толстой характеризовал везира как человека «зело разумного, зело много смысленного»⁷². Поставлен он был на свой пост по рекомендации шейх уль-ислама Фейзуллах-эфенди, наиболее авторитетного тогда человека в стране. Однако везирство оказалось непродолжительным, а итоги его плачевными.

Уже в июле 1703 г. начался мятеж стамбульской военщины и местных жителей. Направлен он был против шейх уль-ислама, которого считали «диктатором» того времени. Он был явным сторонником преобразований, сотрудничал с Хюсейн-пашой и Рами Мехмедом, поддерживал ту мирную политику, к которой повернулась Порта после Карловицкого договора, но в то же время вызывал всеобщее возмущение склонностью к взяточничеству, стремлением всюду насадить своих людей, особенно родственников, сыновей, зятьев. Посторонним же приходилось платить значительные суммы за свое назначение. Султан не предпринимал никаких решений без рекомендации муфтия. В конце концов Фейзуллах-эфенди превратился в столь одиозную фигуру, что ему стали приписывать все беды государства⁷³. Бунт завершился сменой султана, казнью шейх уль-ислама, отставкой великого везира. Бунтовщики не выдвигали никаких обвинений против везира Рами Мехмед-паши, более того, как писал П. А. Толстой, они выступали против «тех людей, которые ему, везиру, были в управлении его препятием»⁷⁴. В свои предводители они выдвинули людей близких к тем, кто ранее был у власти. Так, стамбульским *каймакамом* (султанским наместником) они сделали зятя великого везира Амджазаде Хюсейн-паши⁷⁵. Окружение султана и муфтия, как и руководство восстания, были люди, близкие между собой в социальном, политическом и родственно-личном плане. Следовательно, этот бунт не был порожден желанием повернуть страну на какой-то иной путь развития. Его побудительными причинами явились старые пороки, которыми

отличалось государство, — взяточничество, протекционизм, султанское уклонение от решения важных вопросов. Последствие же этого переворота оказались очень значительными. Произошла очередная кровавая бойня. Как сообщают иностранные наблюдатели, за первые 8—10 лет царствования нового султана, Ахмеда III (1703—1730), было уничтожено около 30 тыс. человек, которые по мнению властей, так или иначе были связаны с бунтом⁷⁶. По мнению турецкого историка М. Кунта, именно в 1703 г. завершился тот период, который начался с похода Кара Мустафы на Вену⁷⁷. Именно тогда был израсходован тот последний резерв развития, который еще имелся у этой великой державы средневековья. Первые везиры Кёпрюлю навели порядок в стране и сумели использовать тимарную структуру для того, чтобы у османского общества появились возможность и желание для новых завоеваний. Империя расширила свои владения за счет последних своих приобретений — Крита и украинских земель, попыталась взять Вену. Далее она терпит сокрушительное поражение от объединенных европейских сил, но все-таки с достоинством выходит из войны, начинает восстанавливать свою военную и хозяйственную мощь.

То поколение османских государственных деятелей, которое подписало мир в Карловицах, пыталось продолжить «реформы» Кёпрюлю и без коренных преобразований приобщить страну к новым условиям жизни. Именно оно оказалось уничтоженным в период бунта и его подавления. Турецкий историк А. Н. Курат видит в этом главную причину того, что в первые десятилетия XVIII в. Османская империя не выдвинула ни крупных государственных деятелей, ни способных полководцев⁷⁸.

Султанское окружение снова погрязло во внутренних интригах. Складывавшееся аянское местное самоуправление стало развиваться самостоятельно и независимо от центра. Интерес к Европе, проявившийся после заключения мира в реорганизации флота и хозяйственного обеспечения армии, перешел прежде всего в чисто внешнюю сферу — строительство дворцов, моду, разведение тюльпанов. Для формировавшейся новой знати были присущи новые вкусы и даже новый язык, в котором увеличилось влияние турецких слов и сокращалось употребление персидских и арабских⁷⁹. Разрыв между этой знатью, народом и даже местной верхушкой становится столь значительным, что приводит к новому бунту и новой смене султана (1730). Страна ищет, но пока не находит нового пути развития.

Примечания

- ¹ Ortaylı I. The Ottoman Empire at the End of the Seventeenth Century // Ortaylı I. Studies on Ottoman Transformation. Istanbul, 1994, p. 180.
- ² Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. 1. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire. Cambridge, 1976.
- ³ Определение немецкого историка Шлёссера, процитированное в свое время К. Марксом, а затем, со ссылкой на Маркса, использовавшееся почти во всех советских работах о Турции. См.: Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса—Энгельса. Т. VI, 1939, с. 189.
- ⁴ Inalcık H. Adaletnâmeler // Belgeler. Cilt 2, n.3—4. Ankara, 1965, s. 192—193.
- ⁵ См. подробнее: Inalcık H. Suleyman the Lawgiver and Ottoman Law // Archivum Ottomanicum. Vol. 1. The Hague, 1969, p. 105—138.
- ⁶ Об этом см.: Akdağ M. Celâli İsyanları (1550—1603). Ankara, 1963; Тевритинова А. С. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. М.—Л., 1946; Орешкова С. Ф. К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988, с. 129—141.
- ⁷ Akdağ M. Türk Halkının Dirlik ve Düzenlik Kavgası. Ankara, 1975, s. 455—490.
- ⁸ Akdağ M. Genel Çizgileriyle XVII Yüzyıl Türkiye Tarihi // Tarih Araştırmaları Dergisi. Cilt 4 (6—7). Ankara, 1966, s. 203—247.
- ⁹ О делении османского общества на аскери и реайю, законодательном обосновании этой проблемы и ее библиографии см.: Karpat K. An Inquire into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State. From Social Estates to Classes, From Millet to Nations. Princeton, 1976.
- ¹⁰ Akdağ M. Genel Çizgileriyle..., s. 226.
- ¹¹ Ibid., p 217.
- ¹² Gökbilgin T. Köprülü // Encyclopaedia al'İslam. N.E., Leiden. T. 2, p. 1059—1062; Ahmed Refik [Altınay]. Köprülüler. Istanbul, 1999; Shaw St. History of the Ottoman Empire..., p. 207—215.
- ¹³ Ortaylı I. The Ottoman Empire..., p. 185—186.
- ¹⁴ Орешкова С. Ф. Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политические структуры. М., 1990, с. 249—251.

- ¹⁵ Петросян И. У. Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XV—XVII вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1985, с. 66—71.
- ¹⁶ *Silâhdar Tarihi*. Т. 1. Istanbul, 1928, s. 610.
- ¹⁷ См. подробнее: *Kolodziejczyk D. Podole pod panowniem tureckim. Ejalet Kamieniecki, 1672—1699. Warszawa, 1994.*
- ¹⁸ Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи. 1. Т. 2. СПб., 1830, № 864.
- ¹⁹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Часть 2. М., 2001, с. 19—20, 67—70, 79—102.
- ²⁰ *Kara Mustafa pod Wiedniem. Krakow, 1973, s. 169—171, 295, 304.*
- ²¹ *Abrahamowicz Z. Po polityczne ekonomiczne Wyprawy wiedzkiej Kara Mustafy // Kwartalnik Historyczni. Warszawa, 1983, № 90/1, s. 47.*
- ²² *Kara Mustafa vor Wien. Wien, 1958, p. 252, 257.*
- ²³ РГАДА, ф. 89, 24, июль 1682 — 13 августа 1684 г., л. 130—130об.
- ²⁴ Там же, л. 128.
- ²⁵ *Akdağ M. Genel Çizgileriyle..., s. 233—235.*
- ²⁶ Об этом см.: *Meйер М. С. Аяны и их место в османской истории // Тюркологический сборник. 1979. М., 1985, с. 50—63.*
- ²⁷ *Akdağ M. Genel Çizgileriyle..., s. 233—235.*
- ²⁸ См. подробнее: *Silâhdar Tarihi. Т. 2, s. 241—378; Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi. Cilt III/1. Ankara, 1951, s. 495—530.*
- ²⁹ *Гроданова Е. Налог джизье с Балканских земель в системе доходов государственной казны Османской империи (по турецким документам XVII—XVIII вв.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974, с. 174.*
- ³⁰ См. подробнее: *Silâhdar Tarihi..., s. 489—589; Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi..., s. 536—549.*
- ³¹ *Sumner B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949, p. 10.*
- ³² См.: *Орешкова С. Ф. Османская государственная структура: проблема жалования и пожалований // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М., 1993, с. 262—272.*
- ³³ См. подробнее: *Cook M. Population Pressure in Rural Anatolia, 1450—1600. Oxford, 1972.*
- ³⁴ *Aktepe M. Merzifonlu Kara Mustafa Pasa // Islâm Ansiklopedisi, Cilt VII, s. 738; Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi. Cilt III/2, s. 420—423.*
- ³⁵ Об этом см.: *Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi. Cilt IV/1. Ankara, 1956, s. 1—17; Shaw St. History of the Ottoman Empire..., p. 215—227;*

- Köprülü Ö. Hüseyin Pasa Amca Zade // Islâm Ansiklopedisi, Cilt V, s. 649—650.*
- ³⁶ *Meйер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1990, с. 68.*
- ³⁷ См. подробнее: *Aydener M. Feyzullah Efendi an Ottoman Seyhulislam // Belleten. Ankara, 1990. Cilt LXIII/237, s. 619—624.*
- ³⁸ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1702, д. 1, л. 103об.
- ³⁹ Там же, л. 105об.
- ⁴⁰ Там же, л. 121об.
- ⁴¹ Там же, л. 124.
- ⁴² Там же, л. 114об.
- ⁴³ Там же, 1703, д. 3, л. 282об., 283об., 299.
- ⁴⁴ О нем см.: *Süreyya M. Sicill-i Osmanî. Istanbul, 1315, IV, s. 412; Uzunçarşılı I. H. Osmanlı Tarihi..., s. 17—19; Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 7. Pest, 1831, p. 7, 58—61; Öztuna Y. Mustafa Pasa (Daltaban). Türk Ansiklopedisi. Cilt XXIV. Ankara, 1974, s. 499; Özcan A. Daltaban Mustafa Pasa // Istanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Enstitüsü Dergisi. Prof. Dr. I. Kafesoğlu Hatıra Sayısı. Istanbul, 1987, s. 299—334.*
- ⁴⁵ *Mehmed Rasid. Tarih-i Rasid. Cilt II. Istanbul, 1282, s. 403.*
- ⁴⁶ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1703, д. 3, л. 283.
- ⁴⁷ *Özcan A. Daltaban Mustafa Pasa..., s. 308, 330—332.*
- ⁴⁸ *Akdağ M. Genel Çizgileriyle..., s. 217—227.*
- ⁴⁹ *Смирнов В. Д. Кучибей Гоморджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873, с. 135—136.*
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1703, д. 3, л. 282об.—283, 288.
- ⁵¹ Подробнее см.: *Abou-el-Haj R. A. Ottoman Diplomacy at Karlowitz // Journal of American Oriental Society. Vol. 87. New Haven, p. 498—512.*
- ⁵² *Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, с. 666—684.*
- ⁵³ Там же, с. 683—684.
- ⁵⁴ Там же, с. 693.
- ⁵⁵ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1702, д. 1, л. 115об.
- ⁵⁶ Там же, л. 122об.
- ⁵⁷ *Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. 688.*
- ⁵⁸ Там же, с. 692; *Özcan A. Daltaban Mustafa Pasa..., s. 323.*
- ⁵⁹ РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1702, д. 1, л. 37об.
- ⁶⁰ Там же, л. 377.

- 61 Özcan A. Daltaban Mustafa pasa..., p. 324; Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. 693.
- 62 Там же, с. 694.
- 63 Osmanlı Devleti Tarihi. Istanbul, 1999, s. 57.
- 64 Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. 694.
- 65 Там же, с. 698.
- 66 РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1702, д. 1, л. 394—394об.
- 67 Смирнов В. Д. Крымское ханство..., с. 694, 699.
- 68 Там же, со ссылками на хроники Фьндыкылылы и Решида.
- 69 РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1703, д. 3, лл. 24об., 21об.—22, 45.
- 70 Там же, л. 45об.
- 71 Kurat A. N. XVIII Yüzyıl Başı Avrupa Umumi Harbinde Türkiye // Belleten. Ankara, 1943. Cilt VII/26, s. 26.
- 72 РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1703, д. 3, л. 45об—46.
- 73 Об этом см. подробнее: Орешкова С. Ф. Государственный переворот 1703 г. в Османской империи (по материалам русских архивов) // Российское востоковедение в память о М. С. Капице. М., 2001, с. 236—244.
- 74 РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1703. Д.3. л. 416об—417.
- 75 Там же, л. 410.
- 76 [La Motraye]. Voyages d'Aubry de la Motraye en Europe, Asia et Afrique. La Haye, 1727. T. 2, p. 2.
- 77 Türkiye Tarihi. Cilt 3.Osmanlı Devleti 1600—1908. Ankara, 2000, s. 49.
- 78 Kurat A. N. İsveç Kralı XII Karl'ın Türkiye'de Kalışı ve bu Sıralarda Osmanlı İmparatorluğu. Istanbul, 1943, s. 13.
- 79 Ortaylı I. The Ottoman Empire..., p. 185—186; Levend E. S. Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Safhaları. Ankara, 1949, s. 94.